

СЛАВА ГЕНИЮ И МУЖЕСТВУ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ!

ВЕСНА СВЕТА, ВЕСНА РАДОСТИ

(Окончание. Начало на 3-й стр.).

чтобы отпраздновать великую победу нашей науки, нашего мужества, гения нашего народа.

Красная площадь...

Русский человек неспроста назвал ее красной — красивой. Раскинувшись на живописном холме над Москвой-рекой, она, вопреки географии и геометрии, стала центром нашей необъятной Родины. Красна ты не повторимой красой, взята словно в гигантскую рамку из красного дерева Кремлевской стены и ажурным фасадом Исторического музея с его шатровыми башенками и кокошниками!

Красная площадь...

Сюда неизменно стекаются людские потоки, к ней неизменно обращаются людские мысли в дни торжеств и белых народных. Красна ты, напоена кровью тысячи и тысячи людей, стремившихся к свободе. Помнишь ты Солянью бунт и бунт Медных, помнишь, как казнили Стеньку Разина, как осатавшие юнкера стреляли в упор в московских рабочих, помнишь, как 7 ноября незабываемого 1941 года, чеканя шаг по серому граниту своих мостовых,шли на защиту Москвы советские добровольцы. Помнишь ты и 24 июня 1945 года — парад Победы, когда чудо-богатыри устали тебя знаменами поверженного в прах врага.

Красная площадь...

Площадь, видевшая много великих торжеств, стала сегодня свидетелем небывалого праздника.

Всесобщее настроение подъема выражают лозунги, вывешенные на здании Исторического музея: «Слава советским ученым, конструкторам, инженерам, техникам и рабочим — покорителям Космоса!» Да, это слава тебе, товарищ, кто бы ни был, где бы ни находился в этот момент — на площади, или дома в телевизоре, или на своем трудовом посту — слава всем труженикам, всему советскому народу, Коммунистической партии!

«Честь и слава товарищу Гагарину Юрию Алексеевичу — пионеру освоения космоса!» — гласит второй лозунг. И рядом, на панно — государственный флаг ССРР и портрет Владимира Ильича Ленина, а в овале, под изображением космического корабля — первый в мире космонавт Юрий Гагарин. Скорее, уже очень скоро живой Гагарин придет сюда вместе с руководителями партии и правительства. Народ, еще ранним утром заполнивший все подступы к площади, ждет торжественного коронации.

12 апреля 1961 года впервые осуществилась веховая мечта человечества — сын Земли, победив ее притяжение, прорвался в космос. Он — русский, советский, он коммунист. И советские люди пришли на Крас-

ную площадь на народное торжество.

У самого Лобного места, между большими букетами цветов и зеленых веток притянулся мальчишкой. Ему лет двенадцать, не больше. Он, присев на корточки, прикрылся учебником портфеля, зеленая лента «маскирует» его среди ветвей, только глаза блестят, любопытные виды из зелени. Мы подошли к нему.

— Ты что здесь?

Он смотрит недоверчиво:

— А вдруг прогонят?.. Я спрыталась еще утром, чтобы все увидеть...

Мы не спросили имени у этого мальчишки. Да и разве один он сейчас мечтает пробраться на ракету и вымыться у космонавта местечко, разве один из всей души стремится увидеть живого героя? Разве у него однажды родил Юрия Гагарина рожден великий мечты?

Сорок два года назад, 1 мая 1919 года, здесь выступил Ленин. Указывая на детей, Ильин говорил, что они в полной мере воспользуются плодами понесенных революционерами трудов и жертв.

— Да сих пор, как о сказке, говорили о том, что увидят дети наши, — звучал на Красной площади голос вождя, — но теперь, товарищи, вы ясно видите, что заложенное наами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будут строить эти здания наши дети.

То, что увидели дети тех детей, к которым были обращены эти веши слова Владимира Ленина, превосходил даже самый сказочный полет фантазии, ибо это — полет человека в космос. Иначе и быть не могло, ведь эти дети были рождены для того, чтобы сказку сделать былью, чтобы преодолеть пространство и простор. И крылья, которых были даны им для этого, назывались: освобожденный труд, раскрепощенная мысль, социализм, коммунизм...

Крылья...

«Человек — не птица, крыльев не имать. Аще кто приставит себе акрилья деревянья, противу естества говорит, за сие содружество с нечестивой силой отрубить выдумщику голову. Тело оканчивающего пса смущающее бросить свиньям на съедение, а выдумку после свидетельства литературы огнем сжечь», — так поведел царь, когда во второй половине XVI века смэрт Никитка, боярского сына Лупатова холопа, попытавшись оторваться от земли. Дело происходило под Москвой, в Александровской слободе.

И вот мы, люди XX века, руководим человеку, которого могутчики крылья нашей науки и техники подняли к звездам.

Словно бесконечное время пролегло между этими двумя событиями. И было оно заполнено неистребимостью человека к воле. Воля была и свободой, и пространством. В день заладки Петрапавловской крепости Петр Великий говорил Меншикову:

«Не мы, а наши правнуки будут летать по воздуху, аки птицы!». Но пусть истори — не Невский проспект.

В казематах Петрапавловской крепости томился, ожидая смертного часа, революционер и ученик Кильбальчик.

Он также мечтал о воле, о свободе и о полете к звездам.

Только Великий Октябрь сделал эти мечты реальностью. Здесь, на Красной площади, покоятся прах аме-

риканского писателя, памятника поэту революции Джону Риду. На

имя его книги об Октябре стало поистине крылатым: «Десять дней, которые потрясли мир». Сегодня мы

читаем на всех языках мира, во всех

газетах — от крайне правых до

крайне левых — о 108 минутах космического полета Юрия Гагарина,

которые потрясли мир. И это не просто совпадение литературных об

разов, это неразрывная логическая

цепь истории — без десяти дней, по

трясших мир в Октябре 1917 года,

не было бы 108 минут, потрясших

мир в апреле 1961 года.

Тогда, когда Владимир Ильин, говорил о том, что увидят дети наши,

— звучал на Красной площади голос вождя, — но теперь, товарищи,

вы ясно видите, что заложенное на

ами здание социалистического общест

ва — не утопия. Еще усерднее будут строить эти здания наши дети.

То, что увидели дети тех детей, к

которым были обращены эти веши

слова Владимира Ленина, превосходил даже самый сказочный полет

фантазии, ибо это — полет человека в космос. Иначе и быть не могло, ведь эти дети были рождены для того, чтобы сказку сделать былью, чтобы преодолеть пространство и простор. И крылья, которых были даны им для этого, назывались: освобожденный труд, раскрепощенная мысль, социализм, коммунизм...

Крылья...

«Человек — не птица, крыльев не имать. Аще кто приставит себе акрилья деревянья, противу естества говорит, за сие содружество с нечестивой силой отрубить выдумщику голову. Тело оканчивающего пса смущающее бросить свиньям на съедение, а выдумку после свидетельства литературы огнем сжечь», — так поведел царь, когда во второй половине XVI века смэрт Никитка, боярского сына Лупатова холопа, попытавшись оторваться от земли. Дело происходило под Москвой, в Александровской слободе.

И вот мы, люди XX века, руководим человеку, которого могутчики крылья нашей науки и техники подняли к звездам.

Словно бесконечное время пролегло между этими двумя событиями. И было оно заполнено неистребимостью человека к воле. Воля была и свободой, и пространством. В день заладки Петрапавловской крепости

Петр Великий говорил Меншикову:

«Человек — не птица, крыльев не имать. Аще кто приставит себе акрилья деревянья, противу естества говорит, за сие содружество с нечестивой силой отрубить выдумщику голову. Тело оканчивающего пса смущающее бросить свиньям на съедение, а выдумку после свидетельства литературы огнем сжечь», — так поведел царь, когда во второй половине XVI века смэрт Никитка, боярского сына Лупатова холопа, попытавшись оторваться от земли. Дело происходило под Москвой, в Александровской слободе.

И вот мы, люди XX века, руководим человеку, которого могутчики крылья нашей науки и техники подняли к звездам.

Словно бесконечное время пролегло между этими двумя событиями. И было оно заполнено неистребимостью человека к воле. Воля была и свободой, и пространством. В день заладки Петрапавловской крепости

Петр Великий говорил Меншикову:

«Человек — не птица, крыльев не имать. Аще кто приставит себе акрилья деревянья, противу естества говорит, за сие содружество с нечестивой силой отрубить выдумщику голову. Тело оканчивающего пса смущающее бросить свиньям на съедение, а выдумку после свидетельства литературы огнем сжечь», — так поведел царь, когда во второй половине XVI века смэрт Никитка, боярского сына Лупатова холопа, попытавшись оторваться от земли. Дело происходило под Москвой, в Александровской слободе.

И вот мы, люди XX века, руководим человеку, которого могутчики крылья нашей науки и техники подняли к звездам.

Словно бесконечное время пролегло между этими двумя событиями. И было оно заполнено неистребимостью человека к воле. Воля была и свободой, и пространством. В день заладки Петрапавловской крепости

Петр Великий говорил Меншикову:

«Человек — не птица, крыльев не имать. Аще кто приставит себе акрилья деревянья, противу естества говорит, за сие содружество с нечестивой силой отрубить выдумщику голову. Тело оканчивающего пса смущающее бросить свиньям на съедение, а выдумку после свидетельства литературы огнем сжечь», — так поведел царь, когда во второй половине XVI века смэрт Никитка, боярского сына Лупатова холопа, попытавшись оторваться от земли. Дело происходило под Москвой, в Александровской слободе.

И вот мы, люди XX века, руководим человеку, которого могутчики крылья нашей науки и техники подняли к звездам.

Словно бесконечное время пролегло между этими двумя событиями. И было оно заполнено неистребимостью человека к воле. Воля была и свободой, и пространством. В день заладки Петрапавловской крепости

Петр Великий говорил Меншикову:

«Человек — не птица, крыльев не имать. Аще кто приставит себе акрилья деревянья, противу естества говорит, за сие содружество с нечестивой силой отрубить выдумщику голову. Тело оканчивающего пса смущающее бросить свиньям на съедение, а выдумку после свидетельства литературы огнем сжечь», — так поведел царь, когда во второй половине XVI века смэрт Никитка, боярского сына Лупатова холопа, попытавшись оторваться от земли. Дело происходило под Москвой, в Александровской слободе.

И вот мы, люди XX века, руководим человеку, которого могутчики крылья нашей науки и техники подняли к звездам.

Словно бесконечное время пролегло между этими двумя событиями. И было оно заполнено неистребимостью человека к воле. Воля была и свободой, и пространством. В день заладки Петрапавловской крепости

Петр Великий говорил Меншикову:

«Человек — не птица, крыльев не имать. Аще кто приставит себе акрилья деревянья, противу естества говорит, за сие содружество с нечестивой силой отрубить выдумщику голову. Тело оканчивающего пса смущающее бросить свиньям на съедение, а выдумку после свидетельства литературы огнем сжечь», — так поведел царь, когда во второй половине XVI века смэрт Никитка, боярского сына Лупатова холопа, попытавшись оторваться от земли. Дело происходило под Москвой, в Александровской слободе.

И вот мы, люди XX века, руководим человеку, которого могутчики крылья нашей науки и техники подняли к звездам.

Словно бесконечное время пролегло между этими двумя событиями. И было оно заполнено неистребимостью человека к воле. Воля была и свободой, и пространством. В день заладки Петрапавловской крепости

Петр Великий говорил Меншикову:

«Человек — не птица, крыльев не имать. Аще кто приставит себе акрилья деревянья, противу естества говорит, за сие содружество с нечестивой силой отрубить выдумщику голову. Тело оканчивающего пса смущающее бросить свиньям на съедение, а выдумку после свидетельства литературы огнем сжечь», — так поведел царь, когда во второй половине XVI века смэрт Никитка, боярского сына Лупатова холопа, попытавшись оторваться от земли. Дело происходило под Москвой, в Александровской слободе.

И вот мы, люди XX века, руководим человеку, которого могутчики крылья нашей науки и техники подняли к звездам.

Словно бесконечное время пролегло между этими двумя событиями. И было оно заполнено неистребимостью человека к воле. Воля была и свободой, и пространством. В день заладки Петрапавловской крепости

Петр Великий говорил Меншикову:

«Человек — не птица, крыльев не имать. Аще кто приставит себе акрилья деревянья, противу естества говорит, за сие содружество с нечестивой силой отрубить выдумщику голову. Тело оканчивающего пса смущающее бросить свиньям на съедение, а выдумку после свидетельства литературы огнем сжечь», — так поведел царь, когда во второй половине XVI века смэрт Никитка, боярского сына Лупатова холопа, попытавшись оторваться от земли. Дело происходило под Москвой, в Александровской слободе.

И вот мы, люди XX века, руководим человеку, которого могутчики крылья нашей науки и техники подняли к звездам.

Словно бесконечное время пролегло между этими двумя событиями. И было оно заполнено неистребимостью человека к воле. Воля была и свободой, и пространством. В день заладки Петрапавловской крепости

Петр Великий говорил Меншикову:

«Человек — не птица, крыльев не имать. Аще кто приставит себе акрилья деревянья, противу естества говорит, за сие содружество с нечестивой силой отрубить выдумщику голову. Тело оканчивающего пса смущающее бросить свиньям на съедение, а выдумку после свидетельства литературы огнем сжечь», — так поведел царь, когда во второй половине XVI века смэрт Никитка, боярского сына Лупатова холопа, попытавшись оторваться от земли. Дело происходило под Москвой, в Александровской слободе.

И вот мы, люди XX века, руководим человеку, которого могутчики крылья нашей науки и техники подняли к звездам.

Словно бесконечное время пролегло между этими двумя событиями. И было оно заполнено неистребимостью человека к воле. Воля была и свободой, и пространством. В день заладки Петрапавловской крепости